

СВЕТ

№152
Сентябрь-
Октябрь
2022 г.

Газета издаётся по благословию
Преосвященного Владимира,
епископа Новокузнецкого
и Таштагольского



Православия



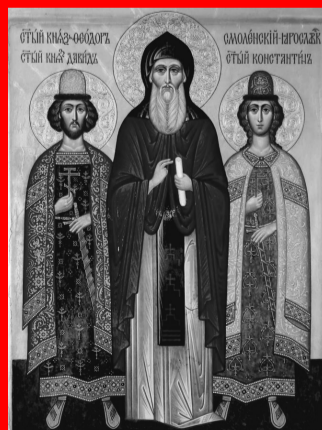
21 сентября

Рождество
Пресвятой
Богородицы



27 сентября

Воздвижение
Креста
Господня



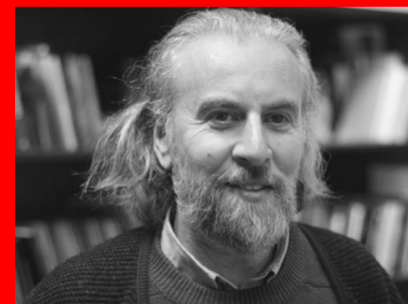
День памяти благоверного
Феодора Смоленского и его
сыновей
Давида и Константина
Стр.4



Память святых
мучеников благоверного
князя Михаила
Черниговского и воярина
его Феодора. Стр.4



ПОЧЕМУ
ПРАВОСЛАВНЫЕ
ТАКИЕ?
Стр.5-6



История
Православной
Церкви
Стр.7



21 сентября Рождество Богородицы

21 сентября православные христиане вспоминают Рождество Пресвятой Богородицы. Это событие — рождение Матери Господа нашего Иисуса Христа от праведных родителей Иоакима и Анны — описано в Церковном Предании. Мы расскажем об истории, смысле и народных традициях, связанных с праздником.

Что такое Рождество Богородицы

Рождество Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии — полное название праздника, который Русская Православная Церковь отмечает 21 сентября по новому стилю (8 сентября по старому стилю). Это один из двенадцатых православных праздников. Двенадцатые праздники догматически тесно связаны с событиями земной жизни Господа Иисуса Христа и Богородицы и делятся на Господские (посвященные Господу Иисусу Христу) и Богородичные (посвященные Божией Матери). Рождество Богородицы — Богородичный праздник.

Событие, которое мы празднуем в этот день, не описано в Новом Завете. Знания о нем пришли к нам из Церковного Предания, одного из источников нашего вероучения, вместе со Священным Писанием.

Предание, рассказывающее о Рождестве Девы Марии, а именно — Протоэвангелие Иакова — было написано во II веке. А отмечать праздник как отдельный значимый день стали ко второй половине V века. Об этом мы, например, читаем у Константинопольского патриарха Прокла (439-446 года) и в требнике (богослужебной книге) Папы Геласия (492-426 годы).

Когда празднуется Рождество Богородицы

Православные христиане празднуют Рождество Девы Марии 21 сентября по новому стилю (8 сентября по старому стилю). Это непереходящий праздник, то есть дата его остается неизменной каждый год.

Праздник по православной традиции продолжается 6 дней, с 20 по 25 сентября. Этот период включает предпразднство и попразднство. Предпразднство — один или несколько дней перед большим праздником, в богослужения которого уже входят молитвословия, посвященные наступающему празднуемому событию. Соответственно, попразднство — такие же дни после праздника.

События Рождества Пресвятой Богородицы

В Новом Завете мы не найдем практически ничего о земной жизни Богородицы. Евангелия не дают сведений о том, кто были родители Девы Марии и при каких обстоятельствах она родилась.

Праздник Рождества Пресвятой Богородицы основан на Церковном Предании. Существует так называемое Протоэвангелие Иакова, написанное в II веке. В нем мы читаем, что Мария родилась от благочестивых родителей, Иоакима и Анны. Иоаким был выходцем из царского рода, а Анна — дочерью первосвященника. Они дожили до преклонных лет и были бездетны. Это было источником скорби для пары и вызывало общественное порицание.

Однажды, когда Иоаким пришел в Храм, первосвященник не разрешил ему принести жертву Богу, сказав: «Ты не создал потомства Израилю». После этого безутешный Иоаким удалился в пустыню для молитвы, Анна же осталась дома и тоже молилась. В это время им обоим явился ангел и каждому возвестил: «Господь внял молитве твоей, ты зачнешь и родишь, и о потомстве твоём будут говорить во всем мире».



Узнав радостную новость, супруги встретились у Золотых ворот Иерусалима. После этого Анна зачала. Как пишет Протоэвангелие Иакова, «прошли положенные ей месяцы, и Анна в девятый месяц родила». Праведники дали обет посвятить своего ребенка Богу и отдали дочь Марию в Иерусалимский храм, где она служила до совершеннолетия.

История празднования Рождества Богородицы

Праздник Рождества Богородицы христиане начали отмечать только к V веку. Первые упоминания о нем мы читаем у Константинопольского патриарха Прокла (439-446 года) и в требнике (богослужебной книге) Папы Геласия (492-426 годы). Также о празднике пишут святители Иоанн Златоуст, Елифан и Августин. А в Палестине существует предание о том, что святая равноапостольная царица Елена построила в Иерусалиме храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Икона Рождества Богородицы Самые древние изображения событий Рождества Божией Матери мы встречаем к X-XI векам. Это иконы и фрески. Например, роспись грузинского храма VII века в Атени. Весь этот храм посвящен Богородице (празднику Успения Богородицы).

Есть и другие древние изображения праздника: фрески в Киевском Софийском соборе (первая половина XI века) и в Преображенском соборе Мирожского монастыря (XII век), композиция в церкви Иоакима и Анны сербского монастыря Студеница (1304 год).

Традиционно на ранних иконах и фресках иконописцы изображали в центре композиции праведную Анну — мать Девы Марии. Роженица полулежит на высоком ложе, перед ней стоят женщины с дарами, акушерка и служанки, которые омывают Богородицу в купели.

С каждым веком этот иконописный сюжет обогащался все новыми и новыми подробностями. К примеру, стали изображать стол с принесенными дарами и угощениями, водоем, птиц. Сейчас иконе Рождества Богородицы часто делают житийной, то есть дополняют основной сюжет отдельными композициями (клеймами) — сюжетами из истории события. Плач Иоакима в пустыне, благоговестие Иоакиму и благоговестие Анне, встреча супругов у Золотых ворот Иерусалимского храма и так далее.

До наших дней дошла роспись собора Рождества Богородицы Фералонтова монастыря, которую в 1502 году выполнил великий иконописец Дионисий. Это фреска над главным входом, которая изображает святую Анну на ложе; купель; приходящих поклониться Рожденной женой и дев с сосудами в руках; Иоакима и Анну с Девой Марией на руках.

Проповедь митрополита Сурожского Антония на Рождество Пресвятой Богородицы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Всякий праздник Матери Божией — это чистая радость. Это радость не только о любви Божией к нам, но радость и о том, что земля — наша простая, родная, обычная земля — может так ответить на любовь Господню. В этом для нас ра-

дость особенная.

Когда мы от Бога получаем милость — ликует наше сердце; но иногда делается тоскливо: чем, чем мне воздать любовью за любовь, где найти ту святость, ту ласку, ту способность отзываться всем естеством на милость Божию? И тогда, хотя мы знаем, что каждый из нас слаб и немогущ в любви, мы можем подумать о Матери Божией. Она за всех нас ответила совершенной верой, никогда не колеблющейся надеждой и любовью такой широкой, что Она сумела обнять этой любовью и небо и землю, открыться любовью так, что воплотился Сын Божий, и так открыться любовью к людям, что все, самые грешные, могут к Ней прийти и получить милость. Это — ответ всей земли, это ответ всей вселенной на любовь Господню.

И вот, будем радоваться и унесем радость сегодня из этого храма — не только на одно мгновение: будем её хранить изо дня в день, будем изумляться этой радости, будем ликовать этой радостью и станем эту радость давать людям, чтоб всякое сердце возликовало и утешилось и просветилось этой радостью о том, что земля может вместить небо, что человек может ответить Богу так, что Бог стал бы человеком.

И теперь, из века в век, пока мир стоит, Бог среди нас, Христос Тот же Самый среди нас, изо дня в день. И когда будет проявлена, открыта слава земли и неба, Господь Иисус Христос, истинный Бог, но и истинный человек, будет среди нас пребывать Божией Матерью, Которая дала Ему плоть Свою любовью, верой, святостью, благоговением.

Будем хранить, беречь, растить эту радость и ею жить во дни скорби, во дни тёмные, во дни, когда нам кажется, что ни на что мы не способны, что ничем не может земля ответить на любовь Божию. Ответила земля, и стоит этот Ответ век с воздетыми руками, молясь о нас всех, о добрых и о злых, никогда не стоя поперёк пути спасения, всем прощая — а Она имеет, что простить: ведь люди Сына Ее убили — и к Ней мы прибегаем. Потому что если Она простит, то никто нас не осудит.

С какой верой приходим мы к Божией Матери, как глубока она должна быть, чтобы каждый из нас, который своими грехами и своим недостойством участвует в смерти Господней, мог бы сказать: Мать, я погубил Сына Твоего, но Ты прости. И заступается за нас, и милует, и спасает, и вырастает во весь рост любви Господней.

Слава Богу за это, слава Матери Господней за эту Ее любовь. Аминь.

**Святой праведный
Иоанн Кронштадтский. Проповедь на
Рождество Пресвятой Богородицы**

Долго скорбели о своем неплодии праведные родители Приснодевы, долго и горячо молились Господу о разрешении неплодия, считавшегося наказанием от Бога за грехи; много творили милостыни, чтобы преклонить на милость Всемилоственного, и терпели оскорбления от соплеменников, и в этой скорби и непрестанной молитве и благотворении постепенно очищались духом и воспламенялись больше и больше любовью и преданностью к Богу и таким образом были уготовляемы Провидением Божиим к благословенному рождению Преподобной Дщери, избранной от всех родов в Матерь воплощенному Слову.

Тесным и скорбным путем Господь ведет к славе и блаженству избранных Своих, ибо и Самой Матери Бога по плоти предречено было Симеоном, что душу Ее пройдет оружие и Она испытает тяжкие скорби в душе во время страдальческой жизни Сына Ее, да откроются многих сердец людских помышления (Лк. 2, 34-35). Так скорбен и тесен путь всех избранных Божиих, ибо мир и миродержец, т. е. враг Бога и человека, крайне теснит людей Божиих; и Сам Господь попускает им идти тесным путем, поскольку он способствует им устремляться к Богу и на Него единого возлагать свое упование.

Но обратим взор от скорби к радости. Какую же радость доставляет нам Рождество Богородицы? Разъясним подробнее церковную песнь, изъясняющую причины радости праздничной. Через рождество Приснодевы, через единородного Сына Ее и Бога проклятое и отверженное человечество примирилось с Богом, безмерно оскорбленным их грехами, ибо Христос стал Посредником примирения (Рим. 5,10-11), освободилось от проклятия и смерти вечной, удостоилось благословения Отца Небесного; оно соединилось и срастворилось с естеством Божественным; возведено в первое достояние свое этим срастворением, по выражению церковной песни; отверженный прежде человек удостоился усыновления Отцу Небесному, получил обетование славного воскресения и вечной жизни на небесах вместе с ангелами.

Все это совершено и совершается воплотившимся из Пречистой девы от Духа Святого Сыном Божиим и ходатайством Пречистой Его Матери. Как почтено и возвеличено человечество через святую Деву Богородицу, ибо Она удостоилась обновления и усыновления Богу; и Сама Она удостоилась по Своему безмерному смирению и величайшей чистоте и святости быть Матерью Богочеловека! Она всегда пребывает самой сильной Ходатаицей и Предстательницей рода христианского пред Своим Сыном и Богом! Она — наша Надежда непостыдная; Она отводит от нас тучи праведного гнева Божия, отверзает нам древний рай Своим могучим ходатайством; Она поддерживает престолы царей и хранит их непоколебимо век. Она тысячекратно спасала и спасает Россию с начала и доныне; Она ее возвеличила, прославила, утвердила и утверждает ее; Она Поручница грешных во спасение. К Ней христиане обращают свои бесчисленные моления, прошения, хвалы, славословия и благодарения; Она совершила и совершает в Церкви безчисленные чудеса, благотворные во всех концах мира.

Будем же все светло торжествовать праздник Рождества Пресвятой Девы Марии, украшаясь сами всякими добродетелями христианскими. Аминь.



27 сентября Воздвижение Креста Господня

Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня

— праздник, который Православная Церковь отмечает 27 сентября. В этот день верующие вспоминают, как в 326 году в Иерусалиме был чудом обретен Крест, на котором распяли Иисуса Христа. Мы расскажем о событиях, смысле и традициях Крестовоздвижения.

Что такое Воздвижение Креста Господня

Полное название праздника — Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня. В этот день православные христиане вспоминают два события.

Как говорит Священное Предание, Крест был обретен в 326 году в Иерусалиме. Произошло это около горы Голгофы, где был распят Спаситель.

И второе событие — возвращение Животворящего Креста из Персии, где он находился в плену. В VII веке его вернул в Иерусалим греческий император Ираклий.

Оба события объединяло то, что Крест перед народом воздвигали, то есть поднимали. При этом обращали его ко всем сторонам света по очереди, чтобы люди могли поклониться ему и разделить друг с другом радость обретения святыни.

Воздвижение Креста Господня — двенадцатый праздник. Двенадцатые праздники догматически тесно связаны с событиями земной жизни Господа Иисуса Христа и Богородицы и делятся на Господские (посвященные Господу Иисусу Христу) и Богородичные (посвященные Божией Матери). Крестовоздвижение — Господский праздник.

Когда отмечается Воздвижение Креста Господня

Русская Православная Церковь вспоминает Воздвижение Креста Господня 27 сентября по новому стилю (14 сентября по старому стилю).

У этого праздника есть один день предпразднства и семь дней поспразднства. Предпразднство — один или несколько дней перед большим праздником, в богослужения которого уже входят молитвословия, посвященные наступающему празднуемому событию. Соответственно, поспразднство — такие же дни после праздника.

Отдание праздника — 4 октября. Отдание праздника — последний день некоторых важных православных праздников, отмечаемый особым богослужением, более торжественным, чем в обычные дни поспразднства.

Что можно есть в праздник Воздвижения Креста Господня

В этот день у православных — строгий пост. Нельзя есть мясо, рыбу, яйца и молочные продукты. Пищу можно приправлять только растительным маслом.

События Крестовоздвижения

Описание событий Воздвижения Креста Господня, которое произошло в IV веке, мы находим у некоторых христианских историков, например, Евсевия и Феодорита.

В 326 году император Константин Великий решил во что бы то ни стало найти утраченную святыню — Крест Господень. Вместе со своей матерью, царицей Еленой, он отправился в поход на Святую Землю.

Раскопки было решено проводить рядом с Голгофой, так как у иудеев был обычай закапывать орудия казни рядом с местом ее совершения. И, действительно, в земле нашли три креста, гвозди и



доску, что была прибита надо головой распятого Спасителя. Как говорит Предание, к одному из крестов прикоснулся болящий человек и исцелился. Так император Константин и царица Елена узнали, какой из крестов — тот самый. Они поклонились святыне, а затем патриарх Иерусалимский Макарий стал показывать ее народу. Для этого он встал на возвышение и поднимал («воздвигал») Крест. Люди поклонялись Кресту и молились: «Господи, помилуй!».

В VII веке с воспоминанием обретения Креста Господня было соединено другое воспоминание — о возвращении Древа Животворящего Креста Господня из Персидского плена.

В 614 году Персидский царь завоевал Иерусалим и разграбил его. Среди прочих сокровищ он забрал в Персию Древо Животворящего Креста Господня. Святыня пребывала у иноземцев четырнадцать лет. Лишь в 628 году император Ираклий одержал победу над персами, заключил с ними мир и вернул Крест в Иерусалим.

Как складывалась дальнейшая судьба святыни, историки точно не знают. Кто-то говорит, что Крест находился в Иерусалиме до 1245 года. Кто-то, что его разделили на части и разнесли по всему миру.

Сейчас часть Креста Господня покоится в ковчеге в алтаре греческого храма Воскресения в Иерусалиме.

История праздника Воздвижения Креста Господня

Как говорит Предание, Крест Господень был обретен перед праздником Пасхи, Светлого Христова Воскресения. Поэтому сначала Крестовоздвижение отмечали на второй день Пасхи.

В 335 году в Иерусалиме освятили храм Воскресения Христова. Произошло это 13 сентября. В честь этого праздник Воздвижения перенесли на 14 сентября (по старому стилю; по новому стилю — 27 сентября). Епископы, которые приехали на освящение со всех концов Римской империи, рассказали о новом празднике всему христианскому миру.

Богослужение Воздвижения Креста Господня

В день Крестовоздвижения положено совершать Всенощное бдение и Литургию. Но сейчас всю ночь редко где слу-

жат, поэтому центральным становится праздничное Богослужение накануне праздника — бдение.

Воздвижение — это Господский (посвященный Господу Иисусу Христу) двенадцатый праздник. Поэтому его служба не соединяется ни с какой другой службой. Например, память Иоанна Златоуста переносится на другой день.

Интересно, что во время Утрени на Крестовоздвижение Евангелие читается не на середине храма, а в алтаре.

Кульминационный момент праздника — когда первенствующий священник или епископ, одетый в фиолетовое облачение, выносит Крест. Все молящиеся в храме целуют святыню, а предстоятель помазывает их святым елеем. Во время общего поклонения Кресту поется тропарь: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресение Твое славим».

Крест лежит на аналое до 4 октября — дня отдания Воздвижения. На отдание священник уносит крест в алтарь.

Икона Воздвижения Креста Господня

Самый распространенный сюжет иконы Воздвижения Креста Господня сложился в русской иконописи в XV-XVI веках. Иконописец изображает большое скопление людей на фоне одноглавого храма. В центре на амвоне стоит Патриарх с поднятым над головой Крестом. Под руки его поддерживают диаконы. Крест украшен веточками растений. На первом плане — святители и все, кто пришел поклониться святыне. Справа — фигуры царя Константина и царицы Елены.

Митрополит Антоний Сурожский. Проповедь на день Воздвижения Креста Господня

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы сегодня поклоняемся с трепетом и благодарностью кресту Господню. Как две тысячи лет тому назад, Крест Господень остается для одних соблазном, для других — безумием, но для нас, верующих и спасаемых Крестом Господним, он является силой, он является славой Господней.

Трепетен Крест Господень: это орудие жестокой, мучительной смерти. Самый ужас, который нас охватывает, когда мы взираем на орудие ее, должен нас научить мере любви Господней. Так возлюбил Господь мир, что Он Сына Своего Единородного отдал, для того чтобы спасти мир. И этот мир, после воплощения Слова Божия, после жизни Христовой на земле, после того, как Он провозгласил Божественное учение в слышание всех народов, и после того, как проповедь любви Он подтвердил, доказал смертью без злобы, смертью, к которой не примешалось ни одно мгновение противления, мести, горечи, — после всего этого наш мир уже не прежний. Его судьба не проходит трагически страшно и мучительно перед Божиим судом, потому что Сам Бог вошел в эту судьбу мира, потому что эта судьба наша теперешняя связала вместе Бога и человека.

И Крест нам говорит о том, как дорог человек Богу и как дорого стоит эта лю-

бовь. На любовь можно ответить только любовью, — ничем другим нельзя откупиться за любовь.

И вот перед нами стоит вопрос, вопрос совести пока, который в свое время станет вопросом, который Господь на Страшном суде нам поставит, когда Он встанет перед нами не только в славе Своей, но встанет перед нами изъязвленный за грехи наши. Ибо Судья, Который будет стоять перед нами, это Тот же Самый Господь, Который жизнь Свою отдал за каждого из нас. Что мы ответим? Неужели нам придется ответить Господу, что Его смерть была напрасна, что Крест Его не нужен, что когда мы увидели, как много нас любит Господь, у нас не хватило никакой ответной любви, и мы ответили Ему, что предпочитаем ходить во тьме, что предпочитаем руководиться страстями, похотями нашими, что для нас дороже широкая дорога мира, чем узкий путь Господень?.. Пока мы живем на земле, мы можем себя обмануть, что есть еще время. Но это неправда, — времени страшно мало. Жизнь наша может оборваться в одно мгновение, и тогда начнется наше стояние перед судом Господним, тогда будет поздно. А теперь время есть: время есть, только если мы каждое мгновение нашей жизни превратим в любовь; только тогда, если мы каждое мгновение жизни превратим в любовь к Богу и любовь к каждому человеку, нравится он нам или нет, близок он нам или нет, — только тогда наша душа успеет созреть к встрече Господней.

Всмотримся в Крест. Если близкий нам человек умер бы за нас и из-за нас, разве наша душа не была бы до самых глубин потрясена? Разве мы не изменились бы? И вот: Господь умер — неужели останемся мы безучастны? Поклонимся Кресту, но поклонимся не только на мгновение: поклонимся, склонимся под этот Крест, возьмем, по мере наших сил, этот Крест на свои плечи, и пойдем за Христом, Который нам дал пример, как Он Сам говорит, чтобы мы за Ним последовали. И тогда мы соединимся с Ним в любви, тогда мы оживем страшным Крестом Господним, и тогда Он не будет стоять перед нами, осуждая нас, но спасая и вводя в бесконечную, торжествующую, победную радость вечной жизни. Аминь.

Тропарь Воздвижения Креста Господня

Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы православным христианом на сопротивных даруя и Твое сохраняя Крестом Твоим жительство.

Перевод:

Спаси, Господи, людей Твоих и благослови наследие Твое, победы верным над неприятелями даруя и Крестом Твоим сохраняя народ Твой.

Кондак Воздвижения Креста Господня

Вознесыйся на Крест волею, тезоименитому Твоему новому жительству, щедроты Твоя даруй, Христе Боже, возвесели силою Твоею верных люди Твоя, победы дая нам на сопостаты, пособие имущим Твое оружие мира, непобедимую победу.

Перевод:

Вознесенный на Крест добровольно, соименному Тебе новому народу милости Твои даруй, Христе Боже; возвесели силою Твоею верных людей Твоих, подавая нам победы над врагами, в помощь имеющим от Тебя, оружие мира, непобедимую победу.



Как среди наших святых оказался князь, который жил в Орде и женился на ханской дочке?

2 октября — день памяти благоверного Феодора Смоленского и его сыновей Давида и Константина

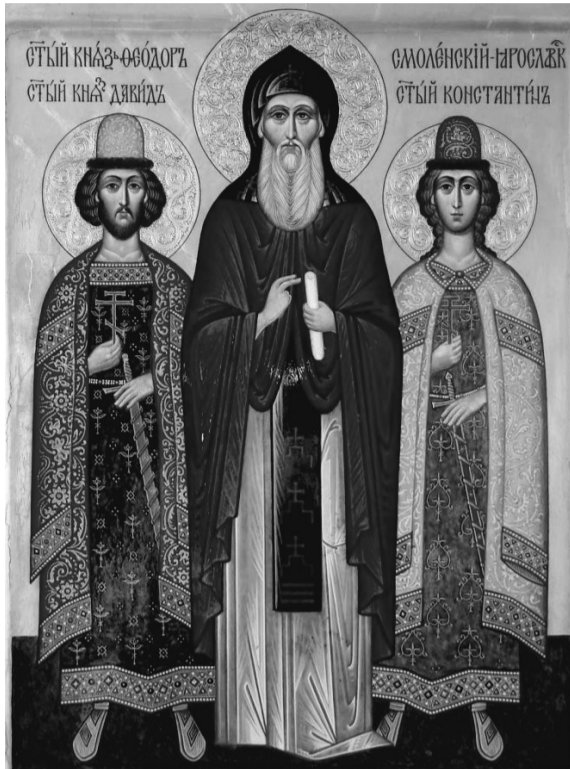
Почему Русская Церковь канонизировала этого, казалось бы, совсем не святого человека? Житие Феодора Черного рассказывает о князе, выгнанном из своего удела, который долгие годы жил в Орде, подружился с ханшей, женился на ханской дочке и с татарским войском вернулся в свой стольный Ярославль. А уж чем святые родившиеся у него в Орде сыновья Давид и Константин, и вовсе непонятно. И между тем именно они стали первыми ярославскими святыми.

Князь не царь

Святые князья — это вообще особый чин русских святых. Нельзя сказать, что их канонизировали из каких-то политических соображений как олицетворение власти — русский удельный князь уж никак не царь, он скорее человек служилый. Причем среди них есть те, кто бился с татарами, и те, кто заключали с ними союзы, есть даже полные политические неудачники вроде Всеволода-Гавриила или Михаила Тверского. Но Церковь не канонизирует никакой политики — ни московской, ни новгородской, ни татарской, ни объединительной, ни удельной. Да и канонизированных русских царей, кроме последнего царя-страстотерпца, у нее нет.

Может, все дело в личной праведности? Но Ярославль и Муром дали Церкви святых князей, практически не оставивших следа в летописях и истории.

И все же повсюду на Руси народ благоговейно чтит могилы древних князей, к которым обращался в молитвах во время бесконечных войн и набегов.



Миссионер поневоле

Федору, третьему сыну князя Ростислава, было года два, когда в 1240 году после смерти отца братья при разделе наследства оставили ему один маленький Можайск. Там он вырос, женился на дочери ярославского князя Василия и сам стал ярославским князем. У него даже наследник родился — сын Михаил, которого, когда Федор овдовел, взяла на

воспитание его теща, княгиня Ксения.

Самому князю было не до того — он воевал в союзе с татарами против осетин, три года прожил в Орде, подружился с ханом Менгу-Темиром и его женой... А когда вернулся в Ярославль, ярославцы его даже в город не пустили: «не прияша его во град, но рекша ему: „Сей град княгини Ксении, и есть у нас князь Михайло“».

Пришлось вернуться в Орду, где хан не только отдал князю в жены свою дочь и, значит, фактически признал его равней, но и по сути признал православие полноценной религией — ведь перед венчанием его дочь должна была принять Крещение.

Впрочем, стараниями Александра Невского и митрополита Кирилла в столице Золотой Орды Сарая еще в 1261 году была учреждена епархия Русской Православной Церкви, и князь Федор немало потрудился, прививая ордынцам русские обычаи, нравы и благочестие.

Но когда в 1290 году пришла ему весть с Руси, от града Ярославля, что его первый сын, князь Михаил преставился, князь с двумя родившимися в Орде сыновьями, наученный горьким опытом, отправился в свой удел не только с ханским ярлыком, но и большим отрядом татар. И не ошибся: утверждать свои законные права пришлось силой. А вот покняжить в родном Смоленске, хоть после смерти братьев он и считался ве-

ликим князем Смоленским, ему так и не пришлось: в 1297 году он попытался было отбить город у захватившего его племянника, но ничего из этого не вышло.

В 1300 году князь Федор заболел, велел перенести себя в Спасо-Преображенский монастырь и принял схиму. А перед этим приказал вынести себя на монастырский двор, куда набилось множество ярославцев. «И исповедался князь пред всем народом, если согрешил пред кем или нелюбие держал на кого. И кто пред ним согрешил и враждовал на него — всех благословил и простил и во всем вину на себя принял пред Богом и людьми». А на следующее утро умер.

Святые «под спудом»

В 1463 году ярославское духовенство хотело было перезахоронить останки князя Феодора и его сыновей Давида и Константина, неизвестно с какого времени покоившиеся без особого почитания в одной гробнице. Но когда склеп вскрыли, начали совершаться чудеса. Дали знать Ростовскому епископу, тот прислал протопопа для расследования, и в 1467 году святым князьям — первым уроженцам Ярославской земли — было установлено церковное празднование. И тогда же по поручению митрополита Московского Филиппа иеромонах Антоний составил их житие.

В 1989 году мощи святых Феодора, Давида и Константина из Ярославского музея-заповедника, где они находились в годы советской власти, перенесли в Ярославль. Там они и покоятся сегодня в новом Успенском соборе.

<https://foma.ru/kak-sredi-nashih-svjatyh->

ЦЕРКОВЬ ВСПОМИНАЕТ МУЧЕНИКОВ МИХАИЛА И ФЕОДОРА ЧЕРНИГОВСКИХ

Память святых мучеников — благоверного князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора празднует Православная Церковь 3 октября.

С детства святой Михаил Черниговский, сын Всеволода Ольговича Черного (+ 1212 г.), отличался благочестием и кротостью. В 1186 году князь Михаил, имевший слабое здоровье, чудесно исцелился, получив деревянный посох от известного подвижника — преподобного Никиты Переяславского Столпника.

Князем Черниговским Михаил стал в 1223 году, а в 1225-м был приглашен на княжение в Новгород, где прославился справедливостью, милосердием и твердостью правления. Однако через некоторое время он снова вернулся в родной для себя Чернигов.

В годы нашествия на Русь татаро-монголов (с 1238-го) князь Михаил, занимавший уже Киевский великокняжеский престол, пытался объединить на борьбу с ними не только русских князей, но также Венгрию, Польшу и германского императора. Сделать этого ему не удалось, поэтому после разорения кочевниками он некоторое время жил неподалеку от города, на острове, а затем снова вернулся в Чернигов.

Через несколько лет князю Михаилу, как и многим другим князьям в то время, было велено приехать в Орду для получения ханского ярлыка на княжение. От



духовного отца, епископа Иоанна, он получил благословение ехать в Орду и быть там истинным исповедником Христа. Вместе со святым князем туда отправился и его верный друг — боярин Федор.

Приехали в Орду они в 1245 году. Там князю и его боярину приказали перед тем как идти к хану пройти через

костер, чтобы «очиститься» от злых намерений и поклониться стихиям: солнцу и огню.

Князь Михаил отказался это сделать, заявив жрецам, что поклоняется только Богу — Творцу мира. Несмотря ни на какие уговоры и даже угрозы мучениями, святой Михаил не поддавался на искушение поклониться языческим идолам.

Татарские палачи схватили благоверного князя и долго, жестоко избивали. Потом один из мучителей по имени Даман отсек ему голову. Святому боярину Федору, если он выполнит обряд, татары обещали княжеское достоинство, но он последовал примеру своего князя. После зверских мучений святому Федору также отрубили голову. Тела святых мучеников бросили псам, но те к ним не притронулись. Позже мощи мучеников были вывезены в Чернигов.

14 февраля 1578 года, по желанию царя Ивана Грозного и с благословения митрополита Антония, мощи святых перенесли в Москву, в храм, посвященный их имени, откуда в 1770 году — в Сретенский собор, а 21 ноября 1774 года — в Архангельский собор Московского Кремля.

Тропарь, глас 4:

Жизнь вашу мученически совершивше, / исповедания венцы украсившесе, к Небесным востекосте, / Михайле премудре с доблим Феодором, / молите Христа Бога / сохранити отечество ваше / град же и люди, // по велицей Его милости.

Кондак, глас 8:

Царство земное в ничтоже вменив, / славу яко преходящую оставил еси, / самозван пришед к подвигом, / Троицу проповедал еси пред нечестивым мучителем, / страстотерпче Михайле, с доблим Феодором, / Царю Сил предстояще, / молите без вреда сохранити Отечество ваше, град же и люди, // да вас непрестанно почитаем.

<https://foma.ru/tserkov-vspominaet-muchenikov-mihaila-i-feodora-chernigovskih.html>



ПОЧЕМУ ПРАВОСЛАВНЫЕ ТАКИЕ?

Протоиерей Андрей Кураев



сить молчание, так как оно не грозит бедою; с другой же, о Дева, вследствие влечения сочинять вдохновенно сложные гимны, это слишком трудно. Но Ты, о Матерь Божия, и даруй мне крепость, уравновешивающую мое природное призвание».

Перевод П. П. Мироносицкого: «Во имя страха хранить молчание, как безопасное, нам было бы легче. Любви же ради ткать гимны стройные и изощренные нам трудно, Дева! Но Ты и силу, о Матерь Божия, дай таковую, каков наш выбор».

Переводы прот. Петра Алексея: «Любезнее и безопаснее для нас, чтоб молчать; желательнее же есть Тебя, Дево! восхвалять песнями протяжными, но по достоинству трудно. Ты убо, Мати Божия! подаждь мне столько силы, сколько моего к Тебе усердия».

«Любезно, правда, есть молчанье, Что всем легко и без вреда; А наше точно в том желанье, Чтоб, Дево, петь Тебе всегда Хвалы в стихах сколь можно стройных;

Любовь моя велика, Мать! Но нет словес Тебя достойных: Изволь Сама мне помощь дать».

И все же в слухе о том, что «в церкви все непонятно», есть изрядная неправда. Неправда прежде всего - в словечке «всё». Как бы ни были непонятны действия священнослужителя или обороты церковнославянского языка, самая главная церковная молитва - «Господи, помилуй!» - прекрасно понятна, даже несмотря на то, что слово «Господи» стоит в звательном падеже, который отсутствует в русском языке.

Еще одна неправда формулы «в церкви все непонятно» в том, что эта «непонятность» имеет очень даже понятное и благое миссионерское последствие. Люди устали жить в искусственном мире, где всё создано их головами и руками (а по настоящему «понятно» только то, что технологично, причем эта технология знакома «понимающему»). Человек ищет опоры в том, что не является артефактом, что не имеет слишком уж броской и наглой этикетки «made in современность». Очевидная инаковость строя церковной жизни, мысли, инаковость даже языка и календаря, имен и этикета привлекает многих людей, которые не желают превращаться в «читателей газет - глотателей пустот» (выражение М. Цветаевой). Как раз это и есть признак истинной Церкви - непонятность, несводимость к нашим объяснительным штампам и привычкам. Это признак нерукотворного, признак Чуда. Чудо не может вместить себя в символы до конца понятные и вполне адекватно переведенные на секулярный язык. И поэтому язык Церкви (речь идет не только о языке богослужения, но и о языке церковной мысли и веры) никогда не может быть до конца «родным», своим для людей, воспитанных во внецерковном мире, а сегодня, пожалуй, и в антицерковном мире. Может, в Церкви, где все понятно, легче прийти. Но не стоит забывать, что из Церкви, где все понятно, также значительно легче уйти.

Неправда уверения, будто «в Церкви все непонятно» - и в предположении, что церковь только для того и существует, чтобы с максимальным комфортом встретить автора этого «крика души», подвести его к церковному порогу и максимально «тактично», «понятно» и «культурно» расширить его кругозор. Но ведь церковь существует не только ради осуществления миссионерских проектов.

Люди сегодня так часто забывают, что формы православного Богослужения были созданы не для обращения вчерашних атеистов, а для помощи уже верующим людям в их духовном труде. Привести человека к порогу христианства не так уж трудно. Но надо жить дальше. И церкви есть что сказать не только своим неопитам. Если же вся речь церкви понятна начинающему - значит в дальнейшем нет пути для возрастания. Если человеку, еще далекому от христианства, в храме «все понятно» - значит в этом храме пусто. Если бы пятиклассник взял учебник пятого курса и ему там вдруг все стало бы понятно - это означало бы, что дистанция в десять лет учебы между пятым классом и пятым курсом оказалась излишней, пустой. Пятикурснику не сообщается ничего такого, что не мог бы быстренько понять и усвоить ребенок. Церковная же речь предполагает приобретение человеком такого опыта, которого у него не было прежде. В этом смысле она эзотерична. Профан же требует, чтобы ему «сделали понятно» еще до того, как он прошел путь инициации. У церкви нет никаких секретов. Просто у нее есть такой опыт, который рождается и поддерживается в душах церковных людей. Им питается обряд и ради его сохранения обряд и сложился.

В общем, никогда в храме не может быть понятно «всё» или даже главное без того, чтобы человек сам прилагал усилия к росту. Непонятность должна быть вызовом, побуждением к росту и к изменению самого недоумевающего, а не поводом к тому, чтобы церковная жизнь стала всецело понятна секулярному мышлению. Не понимать Евангелие - стыдно. Если душа бежит от «непонятной» православной службы - значит, душа нездорова. «Непонятно» - это приговор, выносимый Евангелием современной цивилизации, а не констатация «болезни» и «отсталости» церкви.

Требование «обновления» церкви в большинстве случаев не более чем средство психической самозащиты. Человек пытается объяснить сам себе (и отчасти окружающим), почему все-таки он не позволяет себе расслышать евангельский зов. Некой глубиной своего сердца чувствуя истинность евангельских ценностей, он старается заглушить голос совести.

В церковной жизни и молитве «всё непонятно» людям, живущим вдалеке от церкви, но при этом почему-то желающих реформировать не свою, а чужую среду обитания.

- Непонятность Литургии усиливается еще и оттого, что значительную часть молитв священник читает про себя. Стоит ли читать евхаристические молитвы вслух?

- Я недавно был на одном приходе, там батюшка эту проблему решил очень просто. Всё идет как обычно: хор поёт своё, священник читает свои священнические молитвы, но читает не в перегородки с хором, а так, как священнику надо, чтобы проговорить, понять и пережить каждое слово. Т.е. спокойно читает, а не как на чемпионате по скорочтению. И соответственно, когда хор замолкает, батюшка только половину молитвы прочитал и ничтоже сумняшеся продолжает читать её дальше, но вслух, громко и внятно.

Нечто подобное есть на патриарших службах. Патриарх в алтаре громко и вслух читает все молитвы, и на его службах священникам не приходится пользоваться служебником. В храме, где я сейчас служу, настоятель тоже читает достаточно громко. Поэтому, когда я попадаю на «молчаливую литургию», у меня возникает ощущение собственной дыконской ненужности в алтаре в эти мину-

ты. Эти молитвы тайные не потому что они секретные, а потому что они таинственно-восхитительные.

- Не слишком ли много обрядов в Церкви? Не заслоняют ли они главное - чувство Бога в душе?

- Человек, который говорит о том, что в религии главное не внешние обряды, а внутреннее, духовно-сердечное делание, не всегда прав. Он прав, если тот идеал, который он обосновывает этими словами, оказывается более требователен по отношению к нему, чем обычный устав благочестивой жизни мирянина. Но эти же слова способны прикрывать великую неправду, если их приспособляют для того, чтобы не исполнять даже те религиозные требования, которые обращают к человеку не столь уж высокая в своих идеалах, но все же религиозно действенная и реальная «средняя вера». Подвижник и мистик, жаждущий большего, чем уставная молитва, чающий всецелой перемены своей жизни и своего сердца, он имеет право говорить о том, что спасение нельзя купить жертвами и обрядами. Но обыватель, который ленится потревожить тину своей страстной жизни исповедью и ежеутренней молитвой, который считает унизительным для себя молиться «со старухами» и причащаться с ними из одной ложечки, он не имеет нравственного права ставить духовное выше «обряда», того обряда, до которого он еще просто не дорос. Проповедник такой лжемистики отнюдь не «сын божий», познавший свою свободу в Духе, а лукавый раб, который хочет спастись с наименьшими усилиями и радостно хватается за духовное понимание деятельно-религиозного идеала, чтобы лицемерно оправдать свою умеренно-языческую жизнь.

Неужели не бросается в глаза несуразность ситуации, при которой к радикальному обновлению «обрядности» или вовсе к ее отмене призывают люди, сами не практикующие никакой веры, люди, составившие свои представления о религии и «духовности» на основании пяти-шести газетных статей, в то время как на сохранении ясных и определенных устоев церковной жизни настаивают те люди, которые научились обращаться к Богу на «Ты», преодолев холод безличностно-философского «Он»? С почти детским эгоизмом маловеры требуют, чтобы им «сделали духовно»-без всякого их собственного молитвенного труда.

Боюсь, что призывы маловерующих людей приспособить Богослужение к их вкусам слишком сродни известной попытке старика Хоттабыча исправить правила игры в футбол через раздачу каждому игроку по собственному мячу.

Неприятно нынешнего, информационно-технологического века к обряду понятна: обряд малоинформационен. Чтобы оставаться старым, прежним, «читатель газет» жаждет, чтобы ему забывали душу «новостями», которые не имеют к нему ровно никакого отношения. Это новости, на которые не надо реагировать и на которые нельзя реагировать (ну как, в самом деле, жителю Рязани реагировать на новость о перевороте в Латинской Америке?). Но старый текст Нового Завета открыто и требовательно взывает к моей личной реакции. Реагировать не хочется, менять свою жизнь не хочется. И поэтому то, что единственно способно принести новость в мою жизнь, объявляется «устаревшим». И то, что не нравится людям в Евангелии, то же не нравится им в молитве, молитвослове и в обряде. Молитва также не есть «что-то». Молитву вообще нельзя «прочитать», ее надо проговорить, проработать в себе.

Заставить бы их прочесть службы хоть бы на Богоявление!!!... Богослуженные книги надо вновь перевести, чтоб все было понятно. Архиереи и иереи не все слышат, что читается и поется, сидя в алтаре. Потому не знают, какой мрак в книгах, и это по причине отжившего век перевода... Большая часть из сих песнопений непонятны совсем» [Св. Феофан Затворник. Собрание писем. Вып. 7. М., 1994, сс. 155, 158 и Вып.2, с. 143.].

«И церковные молитвословия могут быть изменяемы; но не всяким самочинно, а церковною властью. Неизменны только словеса, таинства совершающие. Прочие все тропари, стихиры, каноны - текучи суть в церкви. И власть церковная может их - одна отменить, а другая вводить. В печатных церковных службах перевод уже устарел, много темного и излишнего. Начала чувствоваться потребность обновления» [Св. Феофан Затворник. Собрание писем. Из неопубликованного. М., 2001, с. 210.].

Св. Николай Японский, которого необходимость перевода богослуженных текстов на японский язык заставила поближе познакомиться с нашими церковнославянскими переводами, не раз оказывался в тупике - «Что за трудности в канонах Евхаиста! А без греческого текста и совсем не понять бы их! Как жаль, что не исправляют славянский текст Богослужения!... Славянский текст в иных местах - просто набор слов, которых не свяжешь, как ни думай. Хотел бросить, пока добуду греческий подлинник; впрочем, с присочинением и опущениями - пошло» [Записки от 31 октября и 24 ноября 1903 г. // Дневники святого Николая Японского. Хоккайдо, 1994, сс. 329 и 339.].

Так что и новые переводы, и «присочинения» и «опущения» при новых редакциях церковно-славянских текстов знакомы церковной истории. И если при новом издании выражение «неумытный Судия» (из 3-й колелопреклоненной молитвы на вечерне Пятидесятницы) заменить на «неподкупный Судия» или «немздоимный Судия», то вряд ли эстетика и духовный смысл Богослужения потерпит какой-либо ущерб.

Есть и откровенные странности и неудачи в переводе на церковнославянский язык. Например «задостойник» Рождества Христова: «Любити убо намъ, яко безбедное страхомъ удобее молчаніе, любовію же дево песни ткати спротяженно сложеныя, неудобно естъ: но и мати силу, елико естъ произволеніе, даждь»

Ни клирошане, ни семинаристы не могут, глядя на этот текст в Минее, его расшифровать (чего уж ожидать от простых прихожан!). Я бы для начала перевел так: «Удобнее было бы нам любить страхом порожденное молчание как безопасное; понуждаемы же мы ткать любовью песни «спротяженно сложенные», Дево. Но если есть твое произволение, Мати, дай нам к этому силу».

Перевод Нахимова: «С одной стороны, нам было бы довольно легко переносить





Когда я открываю вечером молитвенник — я не надеюсь в нем вычитать что-то незнакомое. Иногда что-то нужно не потреблять (как потребляют новые впечатления и знания), а давать, производить. Молитва как работа души и есть такое производящее усилие, поворачивающее мое сердце ко Творцу.

На деле человек, осуждающий показные проявления благочестия у других, человек, рассуждающий о том, что для "истинной веры" не нужны внешние формы, скорее всего ищет лишь оправдания своего собственного безверия. Не могу я поверить, что люди, сетующие в телеинтервью на излишнюю "формальность" православия, дома, в тиши своей кельи часами творят молитву своими собственными словами.

Хотя бы поэтому не стоит слишком торопиться с реакцией на это нытье нецерковных людей. Душевный да не судит о духовном (см. 1 Кор. 2,15). И прежде чем принимать от внешних критику по поводу излишней "заформализованности церковного культа", стоит подумать: действительно ли критикующей примет Евангелие и Православие и станет добрым прихожанином, едва только формы обряда будут изменены в том направлении, которое кажется ему желательным? Миссионерское приспособление призвано облегчить вступление в церковь тем людям, которые желают в нее вступить, но теряются в недоумениях и затруднениях. А действительно ли наши критики принадлежат к этому разряду желающих? Ради приобретения одной овечки можно оставить 99 и пойти к ней в те дебри, в которых она затерялась. Но овечка ли вызывает о спасительных для нее церковных реформах? Или же демократы разносят глас совсем иного существа, которое лишь прикрито шкурой под названием "забота о нуждах овечек"?

— Образованный человек может с определенными допущениями соизмерить свою жизнь с канонами церкви, а воспитанный в советской школе испугается многочисленных запретов и не придет в храм. Церковь замечает эту проблему?

— У меня нет рецепта для ее решения. Дело в том, что у нашего поколения нет права на церковные реформы. Был такой анекдот. Армянскому радио задают вопрос: сколько дипломов надо иметь, чтобы считаться интеллигентным человеком? Ответ был такой: нужны три диплома о высшем образовании: дедушкин, папин и свой собственный. Нечто подобное есть и в церковной жизни. Чтобы стать по-настоящему церковным человеком, нужно иметь эту преемственность поколений. Каждый из нас несет в себе след этого перелома от атеизма к вере и шарахается из крайности в крайность. И наши дети за это будут еще отвечать. Я несколько раз слышал такие истории от молодых священников: «Вот перед нашим старшим ребенком мы виноваты, мы ему детство сломали. Когда в церковь пошли, не могли еще все-таки сориентироваться. Кто-то нам сказал, что сказки — это страшный грех, язычество. И поэтому мы ребенка воспитывали только на житиях святых. А вот когда второй родился, мы уже поумнели, воцерковились и поняли, что мир сказок и чудес ребенку нужен». Так что наши дети, дети неопитов тоже будут расплачиваться. А вот наши внуки будут чувствовать себя в церкви как в отеческом доме. И у них будет право что-то менять. У нас его нет. Мы можем только думать на эти темы. Должны думать.

Детям мы должны передать Церковь, которую мы не искалечили нашими реформами, и опыт наших мыслей о том, как, кто и что мог бы переменить в Церкви. Например, нашим детям (семинаристам) полезно было бы с карандашом в руках, с возмущением и с сокрушением прочитать книгу священника Сергия Желудкова «Литургические заметки».

— Как вы относитесь к опыту отца Георгия Кочеткова по русификации службы?

— Мне кажется странным, что сторонниками перехода на русский язык в богослужении порой являются пастыри тех приходо-в, где преобладает гуманитарная интеллигенция. Действительно, богослужебная комиссия Поместного Собора 1917-1918 годов предложила: «В целях приближения нашего церковного богослужения к пониманию простого народа признаются и права общерусского языка для богослужения» [Доклад «О церковно-богослужебном языке» // Христианский вестник. №3-4, 1994, с. 12.]. Как видим, речь идет о «простом народе». И если бы храм в районе ЗИЛа решил перейти на русский язык и на упрощенное богослужение — это было бы понятно. Но зачем же заниматься упрощением ради общины, состоящей из «доцентов с кандидатами»? Получается очевидная излишность. Русифицированность, облегченность богослужений должна быть очень временной, чтобы именно и лишь на первых порах облегчать людям усвоение того, что они в теории узнают на уроках. Но странно совмещать высокоинтеллектуальные игры в приходских лекториях с упрощенным богослужением. Ведь нельзя читать одновременно годичный курс по символике православной иконописи и при этом храм украшать комиксами. И комиксам есть свое место, и детскую Библию можно дать не только ребячючку. Но нелогично предлагать упрощенную службу прихожанам, которые только что прослушали фундаментальный курс по символике и истории богослужения.

— Предложения все же начать переменные в церковном богослужении оставляют Вас равнодушным? Это ведь уже не только внутрприходские разговоры. Об этом уже нередко говорят и на страницах прессы...

— Дня не проходит, чтобы кто-нибудь из журналистов [Да, да, слово «журналист» для меня стало уже ругательным.] Поразительное совмещение безграмотности, апломба и какой-то нутряной, необъяснимой неприязни к православию — вот что характерно для большинства журналистов, касающихся церковных тем. Два примера: «Когда Библию переводили с иудейского, якорный канат почему-то приняли за слово "верблюды". И до сих пор тот верблюд лезет в игольное ушко» (Татьяна Рессина. Сосите и обрящете... // Московский комсомолец. 2.6.1996). Новый Завет переводили ни с какого не с «иудейского», а просто — с греческого. И совсем не очевидно, что именно «якорный канат» спутали с «верблюдом» (именно в греческом, а никак не в «иудейском» языке эти слова действительно близки по звучанию). Просто в Иерусалиме были таможенные врата, сделанные столь узкими, что пройти через них мог лишь разгруженный верблюд. Погонщик не мог не снять с верблюда поклажу, и таможенники могли осмотреть ее на земле. Эти врата и назывались «игольным ушком». А вот памятный нам Константин Кедров: «На каком языке апостолы запечатлели слова Учителя, неизвестно. В любом случае был неизбежен перевод с арамейского на греческий, с греческого на старославянский, со старославянского на древнерусский, с древнерусского на церковнославянский; с церковнославянского на русский. Если же учесть, что сам русский язык сформировался лишь в XIV веке, спустя 1400 лет после рождения Христа, то можно понять, насколько трудно переводить сразу с нескольких уже умерших языков: с арамейского, с древнегреческого, со старославянского, с древнерусского, наконец, с церковнославянского» (К. Кедров. Люби ближнего, как самого себя и через 2000 лет. Впервые осуществлен научный перевод четырех евангелий на русский язык // Известия. 1.6.96). Неужели Кедров считает, что синодальный перевод Библии выполнен с церковнославянского? Ну зачем же

всех считать такими неучами, незнающими греческого языка? А уж за путаницу со старославянским, древнерусским и церковнославянским языками пусть этого неуча, подписывающего свои тексты «доктор философских наук», скальпируют филологи.] не отчитал «моду ходить в православные храмы». На деле «мода» на православие уже давно улеглась. Напротив, декларирование своих претензий к Церкви уже с 1991 г. стало «хорошим тоном» в столичной журналистской среде. Действительно, нехорошо, если человек, в душе оставаясь атеистом, из каких-то посторонних по отношению к вере соображений позирует в храме со свечкой в руках. И в самом деле — плохо, что для миллионов людей зайти в храм и поставить свечку есть некий чисто внешний ритуал, отнюдь не мешающий им уже к вечеру с головой окунуться в гороскоп и магию. Но сам-то этот тип всеядного и духовно примитивного обывателя сформирован разве не самими публицистами? Не газеты ли ежедневно нам твердят, что все «духовные пути» хороши? Не телевидение ли с утра до ночи уверяет русских людей, что православие и магия — близнецы-братья? Нынешняя журналистика лишь плодит свое собственное религиозное безвкусице — а затем, случайно увидев себя в зеркале, громко возмущается — никакой, дескать, серьезности у людей в решении духовных вопросов!

Было бы наивно считать, что, мол, православие подвергается регулярной критике в либеральных органах массовой информации потому, что оно слишком консервативно в своих обрядах. Есть такой тип мышления, который не смирится ни с какой формой существования христианства, пока последнее не откажется от всех своих нравственных и духовных принципов.

Мне представляется, что надо всерьез осмыслить опыт подсоветского бытия церкви. Поначалу казалось, что для того, чтобы более-менее мирно жить с новой властью, с властью хамов, надо их не задирать. Церковь, не обличая товарищей, въехавших в Кремль, должна просто говорить свое, вечное — о Евангелии, о молитве, о покаянии... Невмешательство церкви в политику было очень подчеркнутым. Патриарх Тихон отказался дать даже тайное благословение Белому Движению. Но для того, чтобы уберечь Церковь от репрессий, этого оказалось недостаточно. Тогда был сделанный шаг. Патриарх сказал: мы не отождествляем себя с монархическим прошлым России, и хотя я по воспитанию монархист, но я советской власти не враг. Но и этого оказалось мало. Советская власть не просто хотела, чтобы Патриарх сказал, что он ей не враг, она требовала большего: «скажите, что вы наши друзья». И вот в 1925 г. появилось заветное Патриарха Тихона, в котором христиане призвались быть лояльными по отношению к советской власти. Казалось, это остановит волну репрессий. Не остановило. И в 1927 г. появляется декларация митрополита Сергия, где он говорит, что интересы советской власти оказываются тождественными интересам церкви, и церковь их целиком и полностью поддерживает. Казалось бы — всё. Нет, машина заработала с еще большими оборотами, и даже священников, подписавших Декларацию, ссылали и расстреливали без особых церемоний. И даже стопроцентно коммунистические заявления церковных иерархов 50-х годов не остановили хрущевских репрессий. Такова логика любой тотальной идеологии. Сколько-нибудь живая церковь ее не устраивает. Реверансов вежливости оказалось явно недостаточно при разговоре с палачом.

Очень похоже обстоит дело и в отношении либеральной прессы и Церкви. Демпресса Москвы активно поддерживает московских священников-реформаторов. Но было бы большой ошибкой считать их единомышленниками.

О. Георгий Кочетков все же желает добра церкви. Это добро он понимает по своему, не всегда его видение согласно с моим или с тем, что сложилось у многих иных священнослужителей и богословов. Но все же путем реформ он желает добиться увеличения церковного влияния на жизнь людей и страны. А светские идеологи и журналисты, поддерживающие его реформаторство, подталкивают церковь к реформам с совершенно противоположными целями. Не мир они хотят раскрыть для возрастающего влияния Евангелия и церкви, но церковь сделать подвластной мнениям мира, добиться от церкви полной мимикрии под светскую идеологию. В конечном счете — просто ликвидации церкви как сообщества людей, думающих иначе, чем идеологи «нового мирового порядка».

Когда светские СМИ желательно оправдать неотложность церковной реформы, они говорят: «Ну, знаете, это чтобы Церкви самой было лучше. Это же для вашего блага, чтобы больше людей приходило в Церковь, чтобы Церковь была более живой. Именно ради этого Церковь должна открыться, измениться и придти к людям». Из своего личного опыта я знаю, насколько можно доверять таким заявлениям. Потому что я прекрасно помню, что в годы советской власти точно также говорили чекисты. Для того, чтобы добиться от церковных людей каких-либо уступок и компромиссов, они говорили: «Ну это же для блага Церкви. Церкви же будет лучше, если в семинарии не будут принимать людей с высшим образованием: сами знаете, от умников одни ереси происходят».

Как и бывших чекистов, то течение в общественной мысли и в прессе, которое сегодня поддерживает идею церковной реформации, трудно заподозрить в глубинной симпатии к церкви. Трудно представить, что именно эти СМИ и именно эти журналисты всерьез озабочены проблемой скорейшей евангелизации России. Скорее, ровно наоборот. Поэтому здесь узнаваем некий сюжет, который знаком по церковной истории Западе.

Нас призывают быть открытыми к опыту западных христиан. Согласен. Но как раз этот опыт и предостерегает против слишком поспешных приспособлений церковной жизни и веры к модам газет. Давно уже западная пресса настроена антицерковно. Она именно не выражает антицерковные настроения, но их сознательно формирует. Очень многие западные издания ищут поводы к тому, чтобы укунить Католическую церковь [«Антикатолические настроения в США сильнее, чем когда-либо», заявил президент Нью-Йоркской Католической лиги за религиозные и гражданские права Уильям Донохью, выступая на ежегодном заседании Миннесотской лиги защиты католиков. По мнению Донохью, пресса провяляет нездоровый интерес к грехам чад Римско-Католической церкви. При каждом удобном случае упоминается, что преступник в детстве «прислуживал у алтаря» или «был ревностным католиком». Большое число публикаций посвящено извращенным наклонностям католических священников, тогда как, по данным официальной статистики, они были замечены в случаях педофилии намного реже, чем, к примеру, протестантские пасторы. Донохью убежден, что, если бы какая-нибудь газета позволила себе опубликовать материалы об «алкоголизме среди индейцев», «разврате среди негров» или «преступности среди евреев», на нее немедленно подали бы в суд — только католиков в США можно оскорблять безнаказанно» (Травля католиков в США // Церковно-общественный вестник № 15 (приложение к «Русской мысли» от 8 мая 1997)]. При начале такого рода конфликтов многие церковные писатели, церковные иерархи и политики решили: «действительно, в этих нападках есть своя правда, есть свой смысл...

История Православной Церкви

Дворкин

Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в № 27-151)

В 1661 г., несмотря на молодость, он уже был митрополитом Кесарийским, а в 1669 г. стал патриархом Иерусалимским. Досифей был одним из немногих патриархов Иерусалимских, которые постоянно жили в Иерусалиме, а не в Константинополе. Не получив формального образования, он был талантливым самоучкой. Досифей стремился к распространению на Востоке знания Отцов Церкви. Ему удалось опубликовать важный сборник византийских богословских текстов в румынском городе Яссы, где находилась типография вселенских патриархов.

Его широкая известность как ученого привлекла внимание французского дипломата Нойнтеля, которого Людовик XIV назначил своим послом в Константинополе. Помимо дипломатической карьеры, Нойнтель прилежно изучал богословие. Посол связался с Досифеем и с несколькими другими православными иерархами и предложил им выразить свое мнение по поводу "Исповедания" Кирилла Лукариса. Результатом этого запроса стало появление на свет подробного и систематического опровержения трудов Лукариса.

именно они были наследниками и преемниками св. Иоанна Златоуста и св. Василия Великого. Латинские миссионеры на Востоке поэтому находились в постоянных колебаниях между снисходительным и терпимым отношением к православным и чрезвычайно агрессивными прозелитическими кампаниями, направленными не только на то, чтобы "вернуть" греков под римский омофор, но и чтобы латинизировать их по пути туда.

Папство не преминуло воспользоваться новыми перспективами, которые открылись перед ним с ослаблением Турецкой империи и ухудшением положения греков. Латинская пропаганда на Востоке все усиливалась и все чаще оборачивалась настоящим "уловлением душ". На Восток были двинуты целые армии искусных пропагандистов, подготовленных в специальных школах (самая знаменитая из них - коллегия св. Афанасия в Риме, открытая в 1577 г. папой Григорием XIII). Сеть римских епархий покрыла весь православный Восток. К XVIII в. относится мощное наступление иезуитов, которые за взятки "брали на откуп" у Порты целые острова и заменяли там православное священство на свое, но "восточного обряда", так что население

вернулась к решению собора 1484 г., а Русская Церковь пока по-прежнему придерживается своей - самой либеральной практики.

9. Все вышеперечисленные эпизоды жизни Церкви под турецким игом мало что добавляют к нашему пониманию православного богословия, но они могут служить своего рода доказательством жизнеспособности греческого православия и непреклонного желания православных сохранить свое лицо даже в самых неблагоприятных условиях. То фанатическое неприятие, которое было продемонстрировано некоторыми греками в их противостоянии Западу, прежде всего объясняется весьма агрессивным (но при этом и очень расчетливым) поведением латинских миссионеров. Когда они обнаружили, что обращение мусульман - чрезвычайно трудное и опасное дело, они направили свои усилия на живущих в тех местах православных христиан - греков и арабов, пытаясь лишить их последнего остающегося у них сокровища - православной веры.

Однако этот фанатизм в среде православных постепенно смягчался: в писаниях XIX в. он уже не столь заметен и

Труд Досифея был одобрен на Вифлеемско-Иерусалимском соборе 1672 г. Этот документ, с тех пор известный как "Исповедание веры Досифея", или "Деяния Иерусалимского собора", безусловно, стал самым важным православным догматическим текстом этого периода. Даже почти два столетия спустя, в XIX в., свт. Филарет Московский очень высоко отзывался о нем.

Досифею не удалось полностью избежать латинских аргументов. Под влиянием Могилы он время от времени использовал латинизированную терминологию, но он несравненно глубже укоренен в православной почве, чем Киевский митрополит. Он ясно и недвусмысленно отвергал кальвинизм Лукариса, отвечая на него традиционным сакраментальным реализмом Православной Церкви. Интересно, что в "Исповедании" Досифея столько же глав, сколько и в "Исповедании" Лукариса. Складывается впечатление, что Досифей просто отвечал Кириллу по всем пунктам. Учение Иерусалимского патриарха о священстве основано на сакраментальной природе Церкви; его пояснения к почитанию икон и святых глубоко православны. Но тем

незаметно для самого себя оказывалось униатским.

Реакция Православной Церкви на подобные действия была категоричной и жесткой. Константинопольский собор 1755 г., прошедший под председательством Вселенского патриарха Кирилла V и с участием патриархов Александрийского и Иерусалимского, рассмотрел вопрос о принятии латинян в Православную Церковь. Собор обсудил решения на ту же тему собора, прошедшего в Константинополе в 1484 г., и постановил пересмотреть их. Отныне латинское и армянское крещение объявлялись недействительными. Обращенные в православие из этих религий должны быть крещены тройным погружением в воду. Таким образом, самые строгие правила относительно приема в Церковь еретиков теперь были применены к монофизитам армянам и к римо-католикам. Это решение, несмотря на то что ряд епископов выступал против него, приняты под давлением греческого населения Константинополя, в то время яростно выступавшего против латинства. Решения Константинопольского собора 1755 г. оставались в силе в Греции до начала XX в., а в ряде мест, например на Афоне, остаются в силе до сих пор.

уступает место более умеренным взглядам, которые стали возможными благодаря открытию учебных заведений и появлению самых различных публикаций. Именно в такой новой атмосфере православные патриархи ответили на несколько исходящих от пап XIX в. призывов, которые, нужно честно признать, вряд ли были рассчитаны на то, чтобы завоевать благорасположение патриархов.

В январе 1848 г., сразу же после своего восшествия на престол, папа Пий IX опубликовал послание "К восточным", призывая их отказаться от своих заблуждений и воссоединиться с Римом. Четыре восточных патриарха: Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский - ответили папе в окружном послании ко всем православным христианам. Послание было также подписано двадцатью девятью митрополитами. В нем "папизм" определили как ересь. Патриархи выражали надежду, что сам папа Пий IX покается, обратится к истинной православной вере и возвратится к истинной Соборной, Апостольской, Православной Церкви, ибо, провозгласили они, "ни патриарх, ни собор ни

не менее Досифей, вполне в духе латинского богословия, заявлял, что Православная Церковь знает семь таинств, правда, при этом отмечая, что считать таинства - не слишком благочестиво. Наверное, самый прискорбный след латинского влияния на "Исповедание" Досифея выразился в его заявлении, что чтение Писания не полезно для мирян.

8. Таким образом, реакция Православной Церкви на Реформацию достаточно ясна, так что тут не могло более развиться никаких недоразумений. "Исповедания" Петра Могилы и Досифея, несомненно, сыграли чрезвычайно важную роль в оформлении и укреплении православной позиции, несмотря на латинские тенденции, которые, в особенности в случае Досифея, на самом деле ни в коем случае не являются доказательством какой-либо особой симпатии к латинской схоластике: они лишь свидетельствуют об отсутствии у Иерусалимского патриарха адекватного богословского образования. Но как еще могло быть иначе после двух веков турецкого ига и почти полного отсутствия хороших школ и необходимых книг?

Вот и получилось, что сохранению православия на Востоке во многом способствовала закоренелая, старая, кровная ненависть к латинянам, которые, правда, со своей стороны, делали все возможное, чтобы эта ненависть не была забыта. Свт. Никодим Святогорец пишет в своей "Кормчей книге": "Одно то уже, что мы питаем ненависть и отвращение к латинянам уже столько веков, - это одно уже показывает, что мы гнушаемся ими как еретиками - арианами, савеллианами и т.д."

С другой стороны, православные научились искать защиты от латинян у турок, которые в общем-то сами не любили и боялись латинян, как "иностранных агентов" и "представителей европейского империализма". Когда в начале XVIII в. православные в Сирии пожаловались Порте на католическую пропаганду, был издан следующий фирман: "Некоторые из дьяволов французских монахов, с целями худыми и намерениями неправыми, обходят страну и внушают греческой рае свое пустое французское учение; при посредстве глупых речей они отклоняют райю от древней веры и внедряют веру французскую; таковые французские монахи не имеют права пребывать ни где, кроме тех мест, где находятя их

когда не могли ввести какое-либо нововведение среди нас, так как Тело Церкви, то есть сам народ, является хранителем религии". Это окружное послание 1848 г., текст которого, по всей видимости, был заранее одобрен свт. Филаретом, митрополитом Московским, было опубликовано большими тиражами и широко разошлось. Оно и сегодня считается важным и авторитетным документом, выражающим православный взгляд на Церковь. Являющаяся хранителем истины, Церковь существует как единое тело, и каждый его член, будь он клириком или мирянином, должен играть активную роль в общей жизни всего тела.

В 1894 г. папа Лев XIII опубликовал новую энциклику "Praeclara gratulationis", обращенную к восточным христианам, с призывом вернуться под его омофор. Вселенский патриарх Анфим ответил на нее в своем окружном послании, в котором догматы папской непогрешимости и непорочного зачатия объявлялись "римским нововведением". Патриарх со всей ответственностью заявлял, что об объединении Церквей можно говорить лишь на базе неразделенной веры первых веков христианства.

Инстинкт самосохранения и неограниченная верность Истине, которой учила Церковь, - эта истина была сохранена в богослужении и в трудах Отцов - давали православным силы противиться искушениям с Запада как со стороны католиков, так и со стороны протестантов. И те, и другие стремились завоевать православных для своей стороны, чтобы использовать их в борьбе друг против друга. Несомненно, именно это и был основной мотив, вдохновляющий западных посланцев в Константинополе вмешиваться во внутренние дела Вселенского патриархата.

Протестанты воспринимали Восточную Церковь как нечто устаревшее и укорененное в ошибках, хотя и признавали, что она имеет длинную историю противостояния римским амбициям, которая началась задолго до Лютера или Кальвина, поэтому деятели Реформации считали важным при возможности получить ее одобрение на собственные действия.

Положение с римо-католиками было куда сложнее. Многие из них не могли не признавать, что, как правило, несмотря на невысокую репутацию, сложившуюся у греков на Западе,

консулы, они не должны предпринимать путешествий и миссионерствовать". Интересно, что лишь немногим раньше Константинопольского собора, постановившего принимать латинян в Церковь через крещение, Российская Православная Церковь, которая до этого придерживалась практики перекрещивания латинян, решила принять более либеральную политику и объявила, что для принятия католика в Православную Церковь требуется лишь исповедание православной веры, отречение от "латинских лжеучений" и покаяние.

Эти несоответствия в Православной Церкви относительно приема обращенных из католичества имеют свою параллель и в Католической церкви. Например, когда в XIV в. православные переходили в католичество в Венгрии и Польше, их обычно перекрещивали, хотя на находившихся под властью Венеции Ионических островах католики привычно причащали православных. Эти различия в подходах католической стороны были нивелированы в XIX в., после I Ватиканского собора. Но православные по-прежнему придерживаются различных практик: например, на Афоне до сих пор соблюдают постановления собора 1755 г., Элладская Церковь

Две главные характеристики трудов православных авторов этого темного времени - это верность догматам Церкви и приверженность ее традиции. Именно эти характеристики обуславливали их мысль, даже если недостаток формального образования вынуждал их использовать протестантские аргументы против католиков и католические - против протестантов.

Некоторые из них стремились создать возможность, чтобы их современники получили бы доступ к подлинным источникам Православия: к Писанию и к Отцам Церкви. Среди таких авторов прежде всего следует назвать имя преп. Никодима Святогорца (1748-1808) - афонского монаха, опубликовавшего в 1792 г. в Венеции, в сотрудничестве с Макарием, епископом Коринфским, очень важную антологию святоотеческих текстов о молитве. Эта антология, получившая название "Филокалия", или "Добротолбие", немедленно приобрела статус классики духовной литературы.

(Продолжение в №153)



Дорогие братья и сестры, приглашаем вас на богослужение! Расписание богослужений

Сентябрь

Сб. 24.09.2022 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 25.09.2022 г. — 09:00 — Божественная литургия.

Пн. 26.09.2022 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вт. 27.09.2022 г. — 09:00 — Божественная литургия.

Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня.

Октябрь

Сб. 01.10.2022 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 02.10.2022 г. — 09:00 — Божественная литургия.

Сб. 08.10.2022 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 09.10.2022 г. — 09:00 — Божественная литургия. **Апостола и евангелиста Иоанна Богослова.**

Чт. 13.10.2022 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Пт. 14.10.2022 г. — 09:00 — Божественная литургия.

Покров Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии.

Сб. 15.10.2022 г. — 16:00 — Всенощное бдение.

Вс. 16.10.2022 г. — 09:00 — Божественная литургия. **КРЕСТНЫЙ ХОД.**

Крещение и венчание по договорённости, по прохождении двух огласительных бесед

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Обратите внимание!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах.

Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям,

если стала ветхой, сожгите.

Редактор: протоиерей Максим Липунов

Тел. +7-951-577-96-59

Электронная почта: lipunov.net@mail.ru

Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево,
ул. Советская, 25.

Сайт Прихода: kuz.cerkov.ru

Тираж: 100 экз.

Храм открыт:

В будние дни с 11:00 до 14:00

Суббота с 11:00 до 14:00

с 16:00 до 19:00

Воскресенье с 09:00 до 14:00